

творения явлений, рассмотреть вопросы с разных сторон (заметим, что вымышленный оппонент не отменяет реальных — спор с ними часто возникает на страницах книги). Есть он и в главе «Огненные дела» — о человеке на войне и об его двойнике, герое современной литературы.

Арк. Эльяшевич — участник Великой Отечественной войны, и в его устах деление «фронтовой прозы» на два русла — о «героике исключительного и героике повседневного» — имеет особый смысл. К первой группе, в частности, он относит роман Б. Васильева «В списках не значился» и его повесть «А зори здесь тихие». Ко второй — «Навеки — девятнадцатилетние» Г. Бакланова, «Пастух и пастушка» В. Астафьева, «Сашка» В. Кондратьева, в известной мере — «Момент истины» В. Богомолова. Арк. Эльяшевич напоминает слова К. Симонова: «Нельзя представлять себе дело так, будто война состояла только из подвигов Гастелло и двадцати восьми панфиловцев. Гастелло был герой, панфиловцы тоже, но война состояла не только из этих подвигов, а из миллионов незаметных подвигов». И утверждает сам: «Романтика на войне была, но она только часть правды». Подробно разбирая произведения В. Быкова, К. Воробьева, С. Орлова, Д. Гранина, И. Виноградова, В. Кондратьева, Й. Авижюса, И. Стаднюка, П. Проскурина, А. Иванова и многих других, критик пишет: «„Героическое“ и „негероическое“ к виду — эти две линии, хотя нередко и вступали между собой в эстетическое противостояние, на практике успешно сосуществовали, дополняя друг друга в литературном процессе семидесятых годов».

Есть элементы спора и в другой статье — «Раздумья о типизации и типическом» («Человек в масштабе времени»), где также на огромном материале автор приходит к выводу: «Типизируя, писатель обращается к духовным коммуникациям своих героев и тем самым к воспроизведению социально-исторического бытия в целом, к созданию его узкой или широкой, всеохватывающей или совсем миниатюрной, но всегда общественно значимой картины. И с этой точки зрения понятие типизации сближается, хотя и не совпадает полностью с понятием художественной концепции действительности...».

Эти главы показывают тяготение Арк. Эльяшевича к широко поставленным эстетическим проблемам, к масштабности выводов, как и статьи-монографии — о «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина, о романе Ю. Бондарева «Выбор», о «городской прозе» В. Тендрякова и о творчестве Ю. Трифонова (произведения которого автор «Горизонталей и вертикалей» начал всерьез изучать одним из

первых). Все это — обстоятельные работы, насыщенные и конкретными наблюдениями, и обобщениями, несущие и новые мысли, и живую заинтересованность критика в творчестве близких ему писателей.

Заметим: трудно анализировать творчество В. Тендрякова без понятия «кинематографичности». Вероятно, читатели обратили внимание на абсолютную «попадаемость» сюжетных линий этого писателя «прямо как в кино»? На повести и романы Тендрякова оказали влияние — случай не частый! — его же сценарии, несущие специфические черты этого жанра. Думаю, что можно было бы остановиться на одной, повышенной чуткости Ю. Трифонова к веяниям времени — и в ранний период его работы, и в последний. Как хотите, но Ю. Трифонов сороковых годов и Ю. Трифонов семидесятых — не два, а один писатель!

В заключение хочется оценить юмор автора в полемике с критиком, не признающим не только Ю. Трифонова, но и... Томаса Манна и Габриэля Маркеса. Эльяшевич с подчеркнутой почтительностью пишет, что заслужить любовь этого критика «совсем не просто (и тем, кто ее заслужил... есть чем гордиться)».

Хорошую, обстоятельную, умную книгу написал Арк. Эльяшевич!

Д-р. МОЛДАВСКИЙ

ЛЮБИТЬ И ПОМНИТЬ

Василий Белов. Раздумья на родине, «Наш современник», 1985, № 6.

Раздумья на родине — скорее, пожалуй, подаголовок, нежели название. Раздумья, воспоминания, обращения к прошлому, к историческим источникам — характерные приметы того распространенного сегодня жанра, к которому принадлежат и записки Василия Белова, лирические, написанные свободно, без какого-то внешнего побудительного повода. Просто вылилась на бумагу с детства копившаяся на душе боль и пришло время сказать суровые и благодарные слова о самом дорогом и близком — о семейной родословной, о своей деревне, об отчем Вологодском крае. Такая потребность естественно возникает в свой час у всякого настоящего писателя, равно как и у любого думающего человека, способного почувствовать личную ответственность перед историей.

Наверное, немало из того, о чем сказано в «Раздумьях на родине», так или иначе отражено в прежних книгах В. Белова — и судьбы земляков-односельчан, и мытарства пострадавшей на своем веку Тимоники, и северный крестьянский уклад, и «этот неоглядный зеленый мир» вокруг. Ощущение чего-то хорошо знакомого не покидает, когда читаешь записки, и

вместе с тем нарастает ощущение новизны, объясняемое прежде всего перепадами авторского настроения в как бы растянувшихся на двадцать лет монологе, — «Раздумья» начинаются с воспоминания о приезде писателя в Тимонику летом 1964 года, шестая их глава открывается фразой: «Прошло десять лет», а на последней странице поставлены даты: 1965—1984...

Словом, в поле зрения В. Белова оказываются последние двадцать лет, те самые, когда он сформировался как художник и написал свои основные книги. Однако упоминания о собственном творчестве в записках крайне редки, чаще ироничны, писательское тщеславие никак не застит В. Белову глаза, напротив, в его размышлениях присутствует желание как бы высвободиться из писательских пут и взглянуть на привычную деревенскую жизнь — и прошлую, и настоящую — породственному, неравнодушным хозяйским оком. Не случайны в этих исповедальных записках и юношеская горячность, и одновременно мудрость зрелого, приобретшего достаточный общественный опыт человека. Не случайна и меняющаяся, живая интонация: сперва, может быть, чуть сентиментальная, даже слегка заискивающая, а потом все более тревожная и жесткая, все более требовательная.

Беспокойная любовь к земле и к людям на земле всецело владеет В. Беловым. Любовь к земле — не только в узком, сугубо крестьянском понимании этого чувства, а в его исторической всеобъемлемости, в его философско-этической сути. Поднимая это чувство до глобальных высот и масштабов, писатель не впадает в прекраснориторическую риторику, а крепко держится за конкретную реальность, за скрытые под ней национальные корни, и это позволяет ему находить нужные сегодня нравственные ориентиры.

Задачу, которая сама собой возникает перед В. Беловым в его записках, лучше всего, наверно, охарактеризовать словами В. Распутина, сказавшего в одном из последних интервью о процессе самопознания современного человека так: «Человек хочет знать, что вынес он в себе из прошлого и куда, в какую сторону сдвинулся с данного ему родового направления за собственную жизнь. Он вымеряет, где и когда произошло опасное смещение. В корнях своих он ищет желанную опору, за которую нужно ухватиться, чтобы задержаться на освоенной предками земле. К нему возвращается любовь к этой земле и благодарность к ее святыням, но как знать, не опоздали ли они и возможно ли полное возвращение».

Вот этим-то и озабочен В. Белов, выискивая в Писцовой книге XVII столетия сведения о Кумзерской волости, о тех местах, где расположился теперь его род-

ной колхоз, задумываясь о жившем в Тимонихе примерно в конце семнадцатого века крестьянине Петре, с которого началась «семейная хроника» писателя. И давний этот пращур, и его дед, и отец — все они в свой черед появляются в беловских записках, и память о них поистине жжет писателю сердце. Главная заповедь, оставленная ими потомству, — блюсти в себе честь и чувство ответственности. Именно это взыскательное чувство и позволяет измерять в человеке то «опасное смещение», о каком говорил В. Распутин. «Ответственность? — по-своему вторит ему В. Белов. — Да, она самая, но не та натужная, основанная на страхе или на самолюбии, а другая, идущая от человеческой совести, от человеческой сути. Не много надо от человека, если он начальства боится. А ты вот сам себя испугайся! Перед совестью своей ответь, сердце свое спроси...». И не страшась самой нелестной правды, В. Белов спрашивает, — с себя, со своих однокоренцев и с тех инстанций, от которых нынче зависит жизнь современного села.

«Раздумья на родине» остро публицистичны. Писателя бесконечно тревожит положение с местным здравоохранением. его волнует лихая бесхозяйственность, в частности, бездумное «освоение средств», когда с энтузиазмом, заслуживающим лучшего применения, впустую тратятся немалые государственные деньги, он с фактами и цифрами в руках гневно выступает против уродливых явлений, самоchinно порожденных «бюрократической стихией». И мысль о всеобщей ответственности за судьбы страны до конца пронизывает его яркий монолог. Об ответственности всех и каждого в отдельности, а не той «коллективной», которая сводит на нет понятие ответственности личной и вызывает у В. Белова усмешку.

Лирическая исповедь, очерк современных деревенских нравов, злободневная проблемная публицистика — все это одинаково органично для беловских записок. Бросив прощальный взгляд на прожитые и канувшие в историю двадцать трудных лет, писатель искренне выразил свою душевную печаль и гражданскую тревогу, — не сказав об этом, он, может быть, не мог бы с чистой совестью жить и работать в литературе дальше. В своих раздумьях он старался быть объективным, не поддаваться былым иллюзиям, и тем понятнее заключительные строки записок: «Да, все изменится: дома и дороги, поля и реки. (...) И если будут лучше старого, я ни о чем не стану жалеть. Но почему-то мне хочется, чтобы мой дом и деревня моя не исчезли совсем, чтобы они остались в этом бесконечно меняющемся мире».

Чего больше в этих словах — горечи или все-таки надежды?

Игорь КУЗЬМИЧЕ